

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

СЕКРЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КРЫМСКОГО
ХАНСТВА • ВОЙНА КАК РЕМЕСЛО • КАК ТАТАРЫ В НАБЕГИ ЗА
ЯСЫРЕМ ХОДИЛИ • ПОХОДЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА НА МОСКВУ
• ЗАБЫТЫЕ ЗАГАДКИ КРЫМСКО-ТУРЕЦКИХ КОНФЛИКТОВ
• КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ

Загадки истории (Фолио)

Андрей Домановский

**Загадки истории.
Крымское ханство**

«ОМІКО»

2017

ББК 63.3(4УКР-8)

Домановский А. Н.

Загадки истории. Крымское ханство / А. Н. Домановский —
«ОМІКО», 2017 — (Загадки истории (Фолио))

История Крымского ханства для обычного читателя и сегодня остается практически неизвестной. Когда и почему в Крыму поселились татары, какие отношения связывали это государство с соседями, далекими и близкими: Речью Посполитой, Московским царством, Османской империей, Казанским и Астраханским ханствами? Но наибольший интерес для украинского читателя представляет история отношений Крымского ханства с Украиной, не даром крымских татар и казаков называли заклятыми друзьями и закадычными врагами. Об этих непростых отношениях, об истории, экономике и культуре Крымского ханства подробно рассказывается в нашей книге.

ББК 63.3(4УКР-8)

© Домановский А. Н., 2017

© ОМІКО, 2017

Содержание

Осколок Золотой Орды, или Загадки рождения Крымского ханства	5
Секреты государственного устройства Крымского ханства: куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Домановский

Загадки истории. Крымское ханство

Осколок Золотой Орды, или Загадки рождения Крымского ханства

Татары знают степь так же хорошо, как лоцманы – морские гавани.

Гийом Левассер де Боплан.

Описание Украины

«Едешь, едешь, – степь да небо, / Степь, всё степь, как море...», – писал о необозримых степных просторах поэт Иван Суриков, автор стихотворения «В степи» – основы знаменитой песни «Степь да степь кругом». Сравнение степи с морем – это не только яркая поэтическая метафора, но также возможность по-новому взглянуть на значение Великой Степи в истории Восточной Европы. Поднимавшиеся на степных просторах волны кочевников перекатывались с Востока на Запад, сливаясь иногда в могучие цунами великих кочевнических завоеваний. Так случилось и в XIII в., когда степь выплеснула воинственные племена монголов.

В 1206 г. на реке Онон состоялся курултай – собрание вождей монгольских племен, на котором Чингисханом (Господином Вселенной) был провозглашен вождь Темучин (1162–1227). Объединив под своей властью монгольские племена, он в 1211–1215 гг. завоевал империю Цзин и сжег Пекин, а в 1218–1220 гг. покорил Среднюю Азию. Монголам открылся путь на запад, в степи Северного Причерноморья и в бывший естественным степным карманом Крым.

Если, продолжая сравнение степи и моря, действительно представить, что на карте Северного Причерноморья вода и суша поменялись местами, то Крымский полуостров будет громадным заливом бескрайнего степного океана, треугольным клином вдающимся в тело «материка». Попасть в этот сухопутный «залив» из внешней степи можно было лишь через узкий «пролив»-перешеек, служивший входом в кочевническую гавань, одновременно и сообщающуюся с внешним степным миром, и в значительной степени изолированную от него. Географическое расположение обусловило уникальное значение и историческую роль Таврики как своеобразной контактной зоны, соединявшей море и степь.

Первое появление монголов на Крымском полуострове относится к 1223 г., когда отряды под командованием темников Субудея и Джебе ворвались в Таврику, преследуя одну из крупных половецких орд. Так называемый сурожский синаксарь содержит под 27 января 1223 г. запись: «В этот день впервые пришли татары». Пройдя полуостров с севера на юг, завоеватели разграбили богатый Судак, однако вскоре покинули Крым – волна степняков накатилась и отступила, позволив Таврике на время вернуться к прежней жизни. Именно после этого 31 мая 1223 г. произошла трагичная для русских войск битва на реке Калке.

Новый опустошительный удар состоялся полтора десятилетия спустя, во время Батыева нашествия на Русь. В 1237–1238 гг. военные отряды огланов-чингизидов Шибана (Шайбана), Бучека и Бури вытеснили половецкие орды из степей Северного Причерноморья на полуостров. Затем последовало вторжение в степной Крым, в результате которого жившие там кипчаки были разгромлены, а города и поселения на морском побережье и в предгорьях разграблены. С 1240-х гг. татары окончательно закрепились в степях Северного Причерноморья и степном Крыму.

На 1240–1260 гг. приходится первый этап освоения Таврики джучидами. Крым стал в это время частью днепро-донского улуса так называемого правого крыла Золотой Орды. Оно было

выделено в отдельный административно-территориальный регион державы Джучи согласно традиции кочевников делить подвластные территории по большим рекам. Полуостров вошел в состав этого большого улуса и даже получил название от имени главного города, где располагалась ставка хана всего улуса – Крым (Солхат). Правил Крымом ханский наместник улусбек, получавший свой улус во владение за службу золотоордынскому хану. Историк Абу-л-Гази упоминает, что с 1260-х гг. Крымом правил внук Джучи Уран-Тимур, сын младшего брата Бату-хана Токай-Тимура.

Во время правления золотоордынского хана Тохты (1290–1312 гг.) Крым становится владением Ногай, который, формально оставаясь простым темником, фактически выделил из состава монгольского государства собственную «империю Ногай». В 1297–1299 гг. в Солхате даже чеканили монету от его имени с легендой «Хан правосудный Нухай». Однако в итоге около 1300 г. объединенное войско Золотой Орды разгромило отряды Ногай у Каганлыка за Днестром, а сам темник погиб от руки русского воина, находившегося на службе у хана Тохты.

Расцвет золотоордынского Крыма пришелся на правление хана Узбека (1312–1341 гг.), запретившего в Золотой Орде религию кочевников тенгризм и активно насаждавшего ислам. Правителем Солхата был в это время Тюлек-Тимур (1300–1341 гг.). В 1314 г. в Солхате была построена мечеть и со временем, в 1332 г., основано высшее духовное училище – медресе («Солхатская академия»).

К середине XIV в. центральная золотоордынская власть в Крыму существенно ослабла, что было признаком упадка и ослабления Улуса Джучи, ставшего особенно заметным в период охватившей Орду анархии между 1359–1380 гг. Навести порядок на полуострове удалось лишь к 1375 г. беклярибеку Мамаю, правившему через подставных ханов. Впрочем, после поражения в 1380 г. в Куликовской битве ему не удалось укрыться в Крыму, и в 1381 г. он был убит на одном из базаров Каффы наемником Тохтамыша. В Крыму вновь утвердилась власть Золотой Орды.

В 1395–1396 гг. Золотая Орда потерпела сокрушительное поражение в войне с Тимуром (Тамерланом). Разгромленный Тохтамыш бежал в Литву, а в Сарае был посажен на правление ставленник Тамерлана Кююрчак-оглан. Лишь с 1396 г. Тохтамышу удалось вернуть контроль над Крымом, который он хотел использовать в качестве плацдарма для возвращения себе власти над Золотой Ордой. Таким образом, в Крымском улусе впервые оказался прямой потомок Чингисхана и носитель легитимных прав на верховную власть в Улусе Джучи. Не случайно позднее в сознании чжучидов Крым был прочно связан с потомками Тохтамыша, а сам полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом». Вследствие политики Тохтамыша в Крыму постепенно все активнее формируется самостоятельная орда. Когда же Крымский улус преобразуется в самостоятельное ханство, именно Тохтамыша будут считать его основоположником, а местные ханы из династии Гераев называть себя его преемниками и прямыми потомками Чингисхана по линии одного из его сыновей, хана Джучи. Впрочем, в краткосрочной перспективе добиться успеха Тохтамышу не удалось – в 1399 г. он потерпел поражение от правящего золотоордынского хана Тимур-Кутлуга и ногайского эмира Едигея.

Установление самостоятельной ханской власти в Крыму связано с именем Хаджи Девлет Герая (ок. 1428–1466 гг.), основателя династии Гераев. В хаосе военно-политических событий эпохи распада Золотой Орды Крым был лакомым куском, сочетавшим в себе все преимущества степной гавани – относительную изоляцию от опасного беспокойного степного мира с экономическими выгодами, которые сулила шедшая через него торговля. Изоляционистская позиция полностью совпадала с настроениями местной элиты, не желавшей расплачиваться собственными жизнями за призрачные цели ханов, стремившихся утвердиться в Сарае. Всегда стоявший особняком среди ордынских владений Крым уже давно стал, по сути, отдельным государством, и ему не хватало лишь авторитетного хана, который, по словам Олексы Гайворонского, автора замечательного двухтомника биографий крымских ханов, «повел бы страну

в самостоятельный путь прочь от тех бедствий, что продолжали сотрясать ордынскую сверхдержаву».

Хаджи был сыном Гиас-ад-Дина и внуком правившего в Крыму в середине 1390-х гг. Таш-Тимура. В востоковедении принята точка зрения, что в одиннадцатом поколении Хаджи Герай был потомком Джучи-хана. Окончательно утвердиться в Крыму ему удалось к 1443 г., когда местная татарская знать пригласила его на правление. Ханом Хаджи Герай был провозглашен при непосредственном участии литовского князя Казимира и, соответственно, проводил дружественную по отношению к Великому княжеству Литовскому политику. Становлению крымско-литовского союза в это время способствовало также наличие общего врага – орды Саид-Ахмеда, кочевавшей на Подолье. Разгромить его Хаджи Гераю удалось лишь в 1452 г., после чего он окончательно закрепил свою власть в Крымском улусе.

В это же время Хаджи Гераю довелось впервые столкнуться с еще одной силой, определявшей в будущем историю Крымского ханства – Османской империей. В 1454 г. в районе Керчи состоялась встреча хана с командующим турецким флотом Демир-Кахья, по результатам которой, возможно, было заключено соглашение, открывавшее туркам доступ на Крымский полуостров. 11 июля 1454 г. 56 турецких галер появились на рейде Каффы. Практически одновременно с появлением турецкой эскадры в Каффинском заливе под Каффу явился во главе шеститысячной кавалерии Хаджи Герай. В сложившейся ситуации итальянцы вынуждены были признать хана не зависимым от Большой Орды властителем степного Крыма и согласились выплачивать ему ежегодную дань в 1500 дукатов.

После смерти Хаджи Герая в 1466 г. между его сыновьями началась борьба за престол. На первый план поначалу выдвинулся второй по старшинству сын хана (первый умер еще при жизни отца) – Нур-Давлет, однако вскоре он был смещен своим братом Менгли Гераем. В 1475 г. Менгли Герай, в свою очередь, был низложен крымскими беями и вынужден был укрыться под защиту стен Каффы, где его и настигло турецкое завоевание Крыма 1475 года. Низложенный хан был схвачен и выразил в итоге покорность султану, признав себя его подданным. Лишь в 1479 г. Менгли Герай смог вернуть себе владения отца. Правда, власть его отныне была в значительной степени ограничена зависимостью от турецкого султана.

Вернув власть над Крымским ханством, Менгли Герай был озабочен удержанием владений перед опасностью вторжения со стороны хана Большой Орды Ахмата. Учитывая заигрывания короля Казимира IV с ханом Большой Орды, крымский хан заключил союз с великим князем Московским Иваном III, направленный одновременно также против Литовского государства. Выполняя условия крымско-московского договора, Менгли Герай в то время, когда в 1480 г. Ахмет-хан выступил против Ивана III и выдвинулся со своим войском на границу Московии к реке Угре, совершил набег на Подолье, удержав тем самым Казимира от присоединения к войску Большой Орды. Борьба против союза Большой Орды и Великого княжества Литовского была разыграна совместно Иваном III и Менгли Гераем, без участия которого «стояние на Угре» окончилось бы для Москвы гораздо более плачевно. Вскоре после похода на Подолье Крым окончательно перестал быть союзником Литовского княжества и стал главной угрозой для южных литовско-польских рубежей, породив феномен Дикого поля – обширного незаселенного пространства преимущественно на юге-юго-востоке современной Украины.

Следует отметить, что именно с 1480-х гг. на международной арене утверждается обожание подвластного Менгли Гераю удела – Крымского ханства, а в конце XV – начале XVI в. в постоянной борьбе с Большой Ордой Крым окончательно становится самостоятельным татарским государством. Совместно подавив военную активность Большой Орды в начале 1490-х гг., крымцы и московиты скрепили и усилили свой союз. Для того чтобы Крымское ханство стало единственным наследником Большой Орды, Менгли Гераю нужно было окончательно уничтожить ее остатки и символически перенести юрту верховной ханской власти из Сарая на Волге в Бахчи-Сарай в Крыму.

Добиться желаемого крымскому хану удалось в самом начале XVI в. Состоявшаяся в 1502 г. битва Менгли Герая с ханом Большой Орды Шейх-Ахмедом не была сколько-нибудь подробно описана ни в одном источнике. Вполне вероятно, она и не была слишком впечатляющей в военном отношении – подданные Шейх-Ахмеда, истощенные зимней бескормицей, массово перешли на сторону крымского хана. Между тем значение разгрома Большой Орды в битве 1502 г. в истории Восточной Европы сравнимо с во многом мифологизированным сражением при Синих Водах 1362 г., Куликовской битвой 1380 г. и «стоянием на Угре» 1480 г. Именно сражение 1502 г. знаменовало окончательное падение Большой Орды, а точнее – переход ее власти к крымским Гераям, захватившим так называемый тахт, или «тронный улус». Великая Орда, покоренная Крымом, не пала, но переродилась в Крымское ханство, воспринявшее ее властные традиции и международный статус, а крымский хан стал «Великим ханом Великой Орды».

Такая оценка произошедшего объясняет причины скорого ухудшения крымско-московских отношений, которые начали портиться уже при Менгли Герае и окончательно расстроились при его преемниках. Если ранее крымцы воспринимали московитов как союзников против ордынцев, то теперь крымские ханы стали претендовать на то, чтобы Москва вернулась к традиционному статусу данницы, зависимой от государства Чингизидов. Крымское ханство стало полноправным наследником Золотой Орды и на протяжении трех столетий сохраняло свою государственность благодаря удачному географическому расположению, опоре на мощную Османскую империю и игре на противостоянии ближайших соседей – Московского царства и Речи Посполитой.

Секреты государственного устройства Крымского ханства: куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану

*Куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану.
Татарская пословица*

Приказал построить этот величественный порог и эту возвышенную высочайшую дверь султан обоих материков и хакан обоих морей, султан, сын султана, Менгли Герай хан, сын султана Хаджи Герая.

Ктиторовская надпись 1503 г. на «Железных вратах» Бахчисарайского дворца

Сколько мне известно, татары ни одним народом не были сполна побеждены и ни одному чуждому государю не служили в качестве полных подданных. Только один турецкий султан отнял у них несколько приморских городов в Перекопе и принудил их признавать себя господарем и оборонителем, да и то больше для почету: дани никакой татары не платят султану и слушают его, сколько хотят.

Юрий Крижанич. Политика, или Разговоры о владетельстве

*Здесь жизнь владык земных витала, Кипела воля, сила, страсть,
Здесь власть когда-то пировала, И гром окрест, и страх метала, – И все
прошло, исчезла власть...*

Владимир Бенедиктов. Бахчисарай

Образовавшееся в Крыму самостоятельное ханское государство принято называть Крымским ханством, тогда как его самоназваниями были «Тахт-и-Крым» («Крымский престол») и «Тахт-и-Крым ве Дешт-и-Кыпчак» («Престол Крыма и Кыпчакской степи»). Желая подчеркнуть свою преемственность по отношению к государству Джучидов, употребляли также метафорические обозначения «Улу(г) Орда» («Большая (Великая) Орда») и «Улу(г) Юрт» («Великая вотчина»). Неофициально ханы называли свое государство также «Крым юрт» – «Крымская вотчина».

В соседних странах за государственным образованием крымских татар закрепилось название «Крымское ханство» от названия столицы государства в городе Солхат – Крым. Литовцы, поляки и москвиты использовали также названия «Перекопская орда» и «Перекопская Татария», калькируя перевод либо названия столичного города «Крым» («ров», «перекоп»), либо главного крепостного пограничного укрепления на входе на полуостров «Ор» (также «ров», «перекоп»). В европейских источниках по отношению к Крымскому ханству использовали также обозначение «Малая Татария», противопоставляя его «Большой (Великой) Татарии» – Монгольской империи Чингизидов, охватившей некогда все пространство необозримой Евразийской степи.

Крымскими ханами всегда были представители рода Гераев, которые с середины XVI в. носили титул Великий Хан Великой Орды, Великого Юрта, престола Крыма и Кыпчакской степи, всех татар, неисчислимых ногаев, татов, тавгачей и горных черкесов. Уже хан Менгли Герай после победы в 1502 г. над последним ханом Большой Орды Шейх-Ахмедом начал титуловать себя также «падишахом» и «императором всех монголов». Великие князья литовские и великие князья московские, платившие крымским ханам поминки и получавшие у них ярлыки

на русские земли и города, признавали за крымскими правителями императорский статус и титуловали их «царями крымскими» или «царями перекопскими» (Caesar Praescopensis).

Основные принципы государственного устройства Крымского ханства явились продолжением традиций Золотой Орды и были типичными для степных империй. Государство в них принадлежало находящемуся у власти хану, который имел право управлять им по собственной ничем не ограниченной воле. Сам же он принадлежал к правящей династии, в случае Крыма – династии Гераев, которая являлась своеобразным коллективным владельцем государства.

«Гераи» – «уважаемые», «достойные», «почтенные», «подобающие», «истиннейшие», «правильные». Олекса Гайворонский считает, что произношение этого родового имени в языке крымских татар менялось со временем – от более архаичного кыпчакского Гирей до более позднего османского Гирай. Иностранные же источники отразили в своем написании тот вариант, который был ближе к разговорному в то время, когда дипломаты той или иной страны завязывали интенсивные контакты с Крымским ханством.

Так, в Литве, Польше, Московии и Генуе, которые контактировали с Крымом уже в XV в., употреблялись написания «Кирей», «Керей», «Кгирей», «Гирей», «Kirei», «Girej», «Oierej», «Gerej», «Charei», «Carei». А в документах стран, завязавших отношения с крымским ханством с конца XVI в. и позже (вплоть до конца XVIII в.), использовались формы написания вроде «Gerai», «Girai», «Gheray», «Gueray», «Guiray», «Giray». В современной русскоязычной литературе принято использовать написание «Герай», наиболее отвечающее эталонному османскому произношению, хотя более правильным, судя по данным исследований современных лингвистов, было бы написание «Герэй».

Согласно преданию, имя основателя династии Хаджи и родовое имя Герай появились следующим образом: «Во время царствования деда Хаджи Герая, Таш-Тимура, он по их обычаю поручил воспитание сына своего Гыяс-эд-Дина одному из своих ветеранов, главе племени Герай, по имени Девлет-гэльд, и упомянутого суфи сделал дядькой в смысле атабека. Добродетельный суфи отправился в хадж (на богомолье в Мекку). Так как возвращение его совпало с рождением Хаджи Герая, то отец последнего Гыяс-эд-Дин, в память паломничества своего аталыка и в честь его племени, нарек сына Хаджи Гераем. Когда со временем Хаджи Герай сделался ханом Крымским, добродетельный старец суфи был еще жив. Хаджи Герай-хан, желая почтить его воспитательские достоинства, сказал ему: «На какую бы ты милость рассчитывал от нас?» Но так как добродетельный суфи был человек неискательный, то он ради доброй памяти попросил хана присвокупить имя его племени «Герай» к именам происходящих из ханского дома султанов. Хан согласился на его просьбу, и до сего времени следовали этому обычаю». Из сказанного можно сделать вывод, что имя (прозвание) «Хаджи», которое можно перевести как «паломник», получали у мусульман лица, совершившие богоугодное благочестивое паломничество – хадж в Мекку.

Действительно, согласно одному из предположений, династическое имя могло происходить от названия одного из монгольских племен «киреит» (где «кэрэ» в переводе означает «ворон», а «-т-» является показателем множественного числа – «вороны»).

Не исключено, впрочем, и то, что «Герай» было личным прозвищем, которое означало полусутиливое «крепышок» – «богатырчик» (от «кер» – «большой», «огромный», «гигантский», иносказательно – «самое сильное существо», «богатырь», «крепыш» и уменьшительного суффикса «ей»). Имя Герай могло быть личным и достаточно распространено в тюркской и монгольской антропонимии. Как мы уже упоминали, означало оно при этом «упорный», «стойкий», «достойный», «заслуженный», «обладающий правами». Встречается в источниках и версия о том, что династическое имя было принято ханом Хаджи в благодарность за свое спасение: у пастуха с таким именем будущий правитель вынужден был скрываться в трудные годы гонений и скитаний. Наконец, некоторые исследователи видят связь имени Герай с греческим словом «кириос» – «господин, владыка». В звательном падеже оно звучит как «кирие»

и могло употребляться в качестве вежливого обращения. Именно в такой форме оно могло быть воспринято и заимствовано будущим основателем династии, подобно тому, как турецкий язык заимствовал греческое слово «эфенди».

Рассмотрев все эти версии, мы все-таки вынуждены будем согласиться с османским автором Мюнедджим-баши, заметившем о Хаджи Герае: «Он же присовокупил в конце своего имени и слово “Герай”»; но зачем он присоединил это слово, и отчего это стало после него необходимо и детям его, причина этого нам неизвестна»

Именно представители династии Гераев, а также высшие знатные сановники – карачибеи в случае Крыма – имели право выбирать нового хана, руководствуясь традиционным принципом, согласно которому власть должен был получить не старший сын правившего хана, а вообще самый старший представитель правящей династии. Своего преемника мог заранее назначить ранее правивший хан. Власть могла также быть закреплена за новым правителем согласно неписанной жестокой и кровавой степной традиции «открытого престолонаследования», когда в борьбе за престол побеждал наиболее хваткий, жестокий и изворотливый претендент, умудрявшийся истребить всех главных претендентов на престол – собственных братьев, дядей и племянников. Наследование, таким образом, происходило по праву сильнейшего, а сама по себе победа над соперниками в борьбе за власть означала небесную санкцию (харизму, «кут») на занятие престола.

В Крымском ханстве, впрочем, эти принципы были вскоре отодвинуты на второй план из-за усилившегося влияния османов, которые уже начиная с XVI в. вмешиваются в процесс выбора хана и напрямую назначают его из Стамбула. Прецедент прямого вмешательства султана в вопрос воцарения нового хана появился благодаря самим крымским беям, обратившимся после смерти Мехмед Герая в 1523 г. к османскому султану Сулейману I Великолепному (1520–1566 гг.) с просьбой прислать на правление в Крым Саадета Герая. Впоследствии османы сполна воспользовались возможностями самовольно утверждать хана, открывшимися перед ними благодаря этому недалёковидному поступку татарской знати. Окончательно эта практика закрепились с конца XVII в. Как образно характеризовал эту практику Сейид-Мухаммед-Риза, Блистательная Порта была «базаром товаров, составляющих предмет стремлений жителей семи климатов, на котором за деньги стараний и хлопот приобреталась одежда, служащая украшением ханов».

Одна из наиболее ярких попыток закрепить полновластие и единовластие хана в решении династических вопросов наследования ханского престола относится к правлению хана Гази II Герая (1588–1608 гг.). Этот правитель повторил попытку своего деда Менгли Герая заменить традиционный для тюркско-монгольской системы престолонаследия принцип передачи верховной власти самому старшему в роду принципом внутрисемейного наследования от отца к старшему сыну. По приказу Гази Герая убили не только главного претендента на престол, заговорщика и бунтовщика, бывшего калгу Фетха Герая, но и истребили всю его семью, включая девятерых детей. После это Гази Герай назначил калгой (первым наследником), вместо другого своего брата, своего старшего сына Тохтамыша Герая, а нурэددинам (вторым наследником) сделал другого сына Сефер Герая.

Впрочем, и после этих событий главную роль продолжали играть турецкие власти – когда после смерти Гази Герая четыре самых главных крымско-татарских рода – Ширин, Барын, Мансур и Сиджеут – избрали новым ханом калгу Тохтамыша Герая, османский султан Ахмед I не пожелал утвердить их выбор и назначил новым ханом Селямета Герая, удерживаемого до этого в заточении в турецкой тюрьме. Так турки играючи сломали политику хана Гази Герая, назначив выгодного для себя ставленника, правда, все из того же рода Гераев. Но когда тот или иной хан по каким-либо причинам не устраивал султана, турецкий властитель волен был низложить его и назначить нового, которого заблаговременно удерживал про запас либо при султанском дворе, либо в ссылке.

Возведение на ханский престол происходило у «Высокого Порога Счастья», как называли двор султана Османской Порты, в обстановке пышной торжественности. Во время «высочайшей» аудиенции турецкий правитель напутствовал нового крымского хана согласно традиционной формуле инвеституры: «Ты воспитан моими щедротами; я тебе даю ханство и посмотрю, каков ты. Ты должен душой и телом стараться под августейшим моим покровительством. Я ожидаю услуг от тебя». После этого хана облакали в драгоценный халат, подбитый соболем, вручали ему в качестве знака власти украшенную драгоценными камнями саблю и изготовленное из драгоценных же камней перо для ношения на головном уборе. В завершение церемонии султан предостерегал хана от излишней самостоятельности и послушничества: «Берегись и не мори ни на одну точку сдвинуться с компасного круга послушания».

В зависимости от конкретной политической обстановки обращение турецкого султана к возводимому на престол крымскому хану могло, сохраняя общий смысл и форму, дополняться теми или иными важными наставлениями. Вот какие слова произнес османский султан при назначении крымским ханом Сафы Герая в 1691 г.: «Я тебе жалую Крымское ханство и надеюсь, что ты будешь служить правдою. Я посмотрю на тебя. Не будь подобен твоему предшественнику: не давай татарскому войску обижать райю. Я не питаю благорасположения к тиранству. Если будешь служить с благожеланием ко мне, то удостоишься разных моих милостей; в противном же случае ты потерпишь от меня наказание. С верховным визирем будь в согласии. В том мое слово. От назначенного пункта не уклоняйся».

По разным причинам такие отклонения от курса султанской политики не были редкостью, и ханы с завидной регулярностью менялись на престоле. Во многом судьба хана зависела и от местной знати, однако в не меньшей степени грозила ему опасность и со стороны придворных чиновников султана, которые, действуя в собственных интересах, неустанно плели интриги, строили козни, измышляли и распространяли слухи, а то и попросту не разбирались в существе крымских дел, высылая хану необоснованные, противоречивые распоряжения. Не случайно один из умных и деятельных крымских ханов, Ислям Герай (1644–1654 гг.), побывав на приеме у малолетнего султана Мехмеда IV (1648–1687 гг.) и уже покидая палаты, заметил визирю: «Так как вы сделали меня татарским ханом, то впредь подставляйте ухо к тому, что я буду писать. Не осаждайте меня письмами, чтоб с таким-то гяуром не хмуриться, такого-то не огорчать, такому-то показывать расположение, с таким-то ладить, с таким-то так поступать! Заглазно давая отсюда распоряжения по тамошним делам, не путайте меня, чтоб я знал, как мне действовать».

За все время существования Крымского ханства на престоле побывали 44 хана, правившие 56 раз, то есть одного и того же хана то свергали с престола, то вновь возвращали ему власть. Некоторые Гераи восходили на престол дважды (Джанибек Герай) и даже трижды (как это было с Менгли I Гераем и Каплан Гераем). А эль-Хадж Селим I Герай I и вовсе оказался рекордсменом, правив в промежутке между 1671 и 1704 гг. целых четыре раза (1671–1675; 1684–1685; 1692–1699; 1702–1704 гг.). На эгейский остров Родос сослали не одного хана. Некоторым свергнутым ханам везло меньше, чем сосланным на Родос изгнанникам – их могли казнить по распоряжению османского султана. Так, в 1584 г. был казнен Мехмед II Герай, а в 1637 г. – Инайет Герай.

Низложенные ханы отправлялись в почетную ссылку в какое-либо из поместий султана, чаще всего – на уже упомянутый остров Родос в Средиземном море, и в случае необходимости их можно было легко вновь «извлечь» оттуда и выдвинуть на политическую арену, заменив ими ныне правящего и ставшего по каким-либо причинам негодным хана. В «Истории Мехмед-Гирея» автор, родной брат хана Мюрада Герая (1678–1683 гг.), сетовал, что ссылка часто была или казалась самим ханам беспричинной и ничем не обоснованной: «Невинного падишаха свергают с трона его, не давая ему высказать своего объяснения, попирают честь его

и ссылают на остров Родос. Справедливо ли это? Отставленный и не знает, за что с ним так поступают – разве что за ревностную службу османам?»

В итоге в ссылке на острове побывали ханы Мехмед III Герай в 1618–1623 гг., Джанибек Герай в 1623–1628 гг. и 1635–1636 гг., Мехмед IV Герай в 1644–1654? гг., Хаджи II Герай после 1684–1689 гг., Саадет III Герай после 1691–1695 гг., Селим Герай после 1678 г., Сафа Герай после 1692–1703 гг., Девлет II Герай в январе 1704 г. и после 1713-го до 1718 г., Менгли II Герай в 1730–1737 гг., Шахин Герай в 1787 г. Ссылка на остров обуславливалась не только стремлением изолировать ханов в отдаленном от Крыма уголке Османской империи, откуда они не могли бы связаться со сторонниками на родине, но также тем, что в османское время климат этого острова считался крайне нездоровым.

Постепенно сложилась ситуация, когда длительное пребывание одного хана у власти воспринималась как нечто необычное, из ряда вон выходящее, а в среднем ханы сменялись раз в пять лет. Сосланным ханам полагалось содержание из султанской казны. Аали-эфенди в книге «Кюнгю-ль-ахбар» отмечал, что «во время султана Селима Победителя бывшим из Крымских ханов в заложничестве шло жалованья в день 1000 акчэ, и некоторым агам их в Стамбуле делалось почествование жалованьем. Да еще дан был визский санджак в виде арпалыка». А московский дипломат И. П. Новосильцев в 1570 г. писал: «У Селим же салтана крымского царя сын Ган-султан, а живет в городе в Янбоге, а к салтану не приезжает, а есть салтанову олафу, по пятидесят османок на день, а людем его олафу дают, которые у него живут, а жалованья ему идет на год от Турского по сороку тысяч османок, а русская четыреста рублѣв; да Ган-султану же дают платье по трожды на год, а то деи у турских султанов ведетца изсстари, что крымского царя по одному царевичю у них жити...»

Крымские правители тяготились зависимостью от турецкого престола, что ярко выразил в своих размышлениях крымский историк Мехмед Герай, сетовавший, что султаны «не хотят знать, что ханы тоже древнего царского рода, что они тоже тень Божья, что отставка им горше смерти, что по священному закону Мухаммедову царям отставку давать не так легко: надо, чтобы они были нечестивы». В XVIII в. хан Арслан Герай (1748–1756, 1767 гг.) прямо отвечал на вопрос французского посланника Пейсонеля насчет того, почему он не проводит реформы, что и пытаться не стоит, так как длительность правления хана всецело зависит от желаний османского султана, а новый хан вряд ли продолжит все то, что им будет сделано.

Конечно, ханы последовательно стремились избавиться от «ордынской» традиции наследования престола старшим в роду и уж подавно не желали участвовать в «войне всех против всех», попадая в ситуацию «открытого наследования». Они пытались утвердить порядок получения престола старшим сыном почившего правителя, однако их стремлениям мешали многие факторы, например, претензии крымской аристократии и, в еще большей степени, политика турецких султанов по отношению к Крыму. Татарская знать стремилась законсервировать традиционные тюрко-монгольские порядки, небезосновательно опасаясь усиления ханского единовластия и желая сохранить внутреннюю автономию в пределах своих владений. Особую роль в этом стремлении сохранить старые обычаи часто играли братья хана, заинтересованные в возможности унаследовать ханскую власть. Основными соперниками в борьбе за власть выступали, как на Руси в эпоху раздробленности и междоусобиц, дядья и племянники, с важной поправкой на восточные порядки и роль Османской империи.

Что касается турок, то султаны были заинтересованы в управляемости Крымского ханства и готовы поддерживать тот порядок престолонаследия, который был им наиболее выгоден в тот либо иной момент в зависимости от сложившейся политической ситуации. Маневрирование Высокой Порты в поддержке того или иного принципа наследования престола проходит через всю историю турецко-крымских отношений. Поначалу султаны поддерживали традиционный «ордынский» порядок, дававший им больше возможностей для манипулирования ханами, чем прямая преемственность – от отца к сыну. Так, в частности, были назначены

ханы Саадет I Герай (1523–1532 гг.), Ислям II Герай (1584–1588 гг.) и Селямет I Герай (1608–1610 гг.).

Со временем османские правители и вовсе перестали обращать внимание на какое-либо обоснование своей воли, самовольно назначая преемника умершему или свергнутому султану. Впервые это произошло при назначении Гази II Герая (1588–1608 гг.), который, правда, приходился братом, пусть и не старшим, предыдущему хану. Окончательно же Порты решилась нарушить оба принципа престолонаследия – как по старшинству в роде, так и от отца к сыну – назначением Джанибек Герая (1610–1623 гг.), который не приходился ни сыном, ни братом ни одному из правивших прежде ханов. Далеко не случайно московский посланник Григорий Неронов отмечал, что «Крымский царь живет в подданстве у Турского царя».

При этом турки умело маскировали подчиненное положение крымского хана отдававшими ему разного рода почестями и предоставлявшимися разнообразными привилегиями. Так, за ними признавалась принадлежность к роду Чингисхана, более высокому по своей значимости в тюрко-монгольском мире, чем Османская династия, им полагались экстраординарные для империи материальные пожалования и ритуальные почести. Например, хану предоставлялось из султанской казны годовое содержание, так называемое сальяне, а также специальные выплаты в виде денежных пожалований, дарования драгоценного оружия и одежды во время приглашения в военный поход, богатые подарки при каждом высочайшем приеме у султана. Важнейшими атрибутами суверенитета при этом были дозволенные хану права хутбэ – заздравного упоминания его имени во время молитвы во всех мечетях ханства – и чеканки от его имени монеты. Наконец, очевидным свидетельством независимости крымского государства было также право хана на самостоятельную роль на международной арене. Сохранились свидетельства поддержания дипломатических отношений между Крымским ханством и Данией, Швецией, Пруссией, Австрией, не говоря уже о ближайших соседях и извечных заклятых друзьях – Речи Посполитой и Московском царстве.

Единственным обязательным условием при смене хана, выполняемым турками, как видим, осталась принадлежность ставленника к правящему роду Гераев. При этом все ханские сыновья-принцы носили титулы султанов, а дочери – султанок. В этом состояло важное отличие от династии Османов, где титул султана принадлежал только правившему падишаху. Крымский же правитель имел право носить титул хана (хакана), чем подчеркивалась преемственность по отношению к монгольской традиции и даже утверждалось некоторое превосходство над Османами. Вытеснение титула султан из официального употребления по отношению к крымскому правителю произошло уже во времена хана Менгли Герая, при котором этот титул получает второстепенное значение и совершенно исчезает с татарских монет.

В целом же род Гераев продолжал восприниматься как единая правящая Крымским ханством династия, причем правивший в данный момент хан рассматривался одновременно и как суверенный правитель государства, и как союзник-ставленник султана, возведенный на ханский престол заместителем пророка, и как верховный сюзерен по отношению к местной крымско-татарской знати – беям и мурзам, и, наконец, просто как старейшина рода Гераев. В связи с последней ипостасью главы рода, а также учитывая тюрко-монгольскую традицию наследования верховной власти старшим в роду, в тех случаях, когда султан назначал ханом кого-либо из младших братьев, старшие, согласно неписанному правилу, должны были покинуть Крым. Благодаря этому достигались две цели: с одной стороны, правивший хан действительно оказывался старшим в роду из находившихся на полуострове, с другой – не страдало самолюбие старших братьев, уязвленное выбором султана.

Становление основных традиций и принципов управления Крымским ханством относится к началу – первой половине XVI в., начиная с правления Менгли Герая. Его отец Хаджи Герай всецело был занят решением внешнеполитических проблем, вследствие чего не имел возможности заниматься обустройством управления новосозданного Крымского ханства

и довольствовался соблюдением старых традиционных порядков, сохранившихся со времен предшествовавших ему ханов татарских. В «Краткой Истории» сказано: «Так как Хаджи Герай умел привлекать сердца, то он во время своего правления собрал в Крым значительное количество народа с Волги. Поелику же от этого у него было много войска, и он мог делать походы в московские и польские страны, всегда оставаясь победителем, то он стал знаменитым ханом».

Крымский хан обладал широчайшими полномочиями – был властен над жизнью и смертью своих подданных, мог по своему усмотрению распоряжаться их землей и имуществом, имел право издания законов, был верховным главнокомандующим войсками. Хану принадлежало право хутбэ, а также исключительное право чеканить монету. Последние два момента («господин хутбэ и монеты») неоднократно упоминаются источниками в качестве свидетельства и доказательства самодержавной природы власти хана, которого никто не имеет права смещать и назначать. Действительно, в мусульманской религиозной и государственной традиции этими правами обладали только независимые самодержавные правители. Наличие этих двух привилегий свидетельствовало о суверенном статусе правителя и независимости его государства, и поскольку крымские ханы сохранили их вплоть до гибели их государства под ударами Российской империи, их действительно можно рассматривать в качестве важного признака самостоятельности ханства в его отношениях с Османской Портой.

Экономическая независимость хана основывалась на верховном владении землей, которая была государственной собственностью. При этом бейлики (владения беев наиболее сильных родов) и ходжалыки (наделы высшего мусульманского духовенства) находились в смешанном частно-государственном владении, представляя собой так называемые сююргалы. Кроме этого, к ханскому домену – так называемым землям «ерз мирие» – принадлежали соляные озера и леса вдоль течения рек Альмы, Качи и Салгира и необрабатываемые земли. Вместе с соляными озерами к ханским владениям относились также деревни, располагавшиеся на землях, прилегающих к этим озерам, и поселения, находившиеся в лесных массивах, принадлежавших хану.

Неоспоримая, абсолютная власть ханов над землей и, одновременно, немислимость территориальных ограничений его власти были отражены в древней татарской поговорке: «Куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану». Однако территориальные границы Крымского ханства определить довольно сложно. Это объясняется кочевым характером государства крымских татар. Вот как об этом говорится в «Краткой Истории Крыма»: «Крымцы не имели постоянного пребывания в одном месте, а кочевали летом и зимою там и сям, а большею частью по берегам рек Эмбы, Яика, Итиля, Терека, Кубани и Днепра, именуемых у них Шестиречьем. А также бывало, что они по ту и по сю сторону Ферах-Кермана, всегда с своими шатрами и кибитками, точно с домом на плечах, с семьями, имуществом и скарбом странствовали и путешествовали».

Уже к XVI в. Крымское ханство охватывало не только степную и предгорную части Крымского полуострова, но и северопричерноморские степи в нижнем течении Днепра и Дона, а также Дона и Кубани. Основателю ханства Менгли Гераю подчинялись северопричерноморские прибрежные степи вплоть до Бессарабии на западе и северокавказской Черкессии на востоке. Степи Северного Причерноморья, населенные кочевыми племенами, преимущественно ногайцами, официально назывались «Ор-ташрасы» («Находящиеся за Ором», «Земли за Перекопом», «Заорье»). При этом сам полуостров считался территорией постоянного пребывания ханства, местом зимовки, а соседние с ним степи воспринимались как место летних кочевий. В целом территория Крымского ханства была громадной и составляла более 250 тыс. км², при том, что сам Крымский полуостров имеет площадь около 27 тыс. км².

Хусейн Гезар-Фенн, турецкий историк второй половины XVII в., так определял подвластные крымским ханам территории: «В черте владычества их есть четыре крепости – Гёзлев (современная Евпатория – А. Д.), Ор, Рабат и крепость, известная под названием Ягуд-Калэси.

В подведомстве их насчитывается 1300 больших и малых деревень. Из значительных городов у них есть так называемый город Кара-Су, потом Ак-Месджид, ханская столица Бакчэ-Сарай и так называемый город Малый Кара-Су. В каждом из них есть джами, мечети, бани, рынки и базары. Все управляемые ими деревни и округа составляют двадцать четыре казылыка. Самый же так называемый Крым, полуостров, составляет четыре санджака».

Турки, захватив Каффу и другие бывшие генуэзские колонии, оставили в своем владении также весь Южный берег Крыма и такие укрепленные пункты, как Керчь, Арабат, Еникале, Перекоп, Мангуп, Инкерман и Балаклава. Османы создали на этой территории отдельное Каффское бейлер-бейство, глава которого – бейлер-бей, верховный представитель власти турецкого султана в регионе, полномочия которого можно сравнить с генерал-губернаторскими, – имел резиденцию в Каффе. Здесь же располагались основной гарнизон и арсенал, необходимые для поддержания турецкого владычества на полуострове. Другие османские гарнизоны были размещены также во всех остальных сколько-нибудь важных в стратегическом отношении укрепленных пунктах Крыма и Северного Причерноморья: Еникале (бывшая Тамань), Азаке (бывшая Тана), Аккермане (ранее – Монкастро), Керчи, Азове, Очакове, Бандерах и других, как их называли московиты, «салтановых городах».

В 1492 г. великий князь Московский Иван III жаловался крымскому хану Менгли Гераю на новые порядки, установленные турками в подвластных им приморских городах Каффе и Азове: «Наперед сего из наших земель наши гости в турского салтана земли ходили, одну тамгу платили, а сила над ними некоторая не бывала... И нынче нам наши гости били челом и сказывали нам, что над ними летось в турского салтана земле от его людей велика сила учинилася, в Азове паша велел нашим гостям ров копати и камень на город носить. Также в Азове и в Кафе и в иных салтановых городах товары у них оценив возьмут да половины цены дадут, а другие не дадут».

Менгли Герай, чувствуя безопасность со стороны морского побережья, находившегося под надежным контролем союзного османского султана, был обеспокоен укреплением своих границ со стороны северных степей. С этой целью по повелению хана на границах строятся укрепления, такие как Ферах-Керман на Перекопском перешейке, Джан-Керман, Кара-Керман и Девлет-Керман на берегах Днепра. Ферах-Керман был первой сторожевой крепостью полуострова и главным пунктом сбора крымско-татарского войска перед выступлением в степной поход. Именно здесь чаще всего производились военные смотры, проводились военные совещания хана с ближайшими знатными соратниками, отдавались первые походные приказы.

Одновременно с этим именно Ферах-Керман был крепостью, замыкавшей проход для степных неприятелей хана, пытавшихся прорваться на Крымский полуостров. Неудивительно в связи с этим то преимущественное внимание, которое крымские власти уделяли строительству этого укрепления. Как свидетельствуют источники, Ферах-Керман строился несколько лет итальянскими архитекторами, в его возведении было задействовано свыше пяти тысяч человек и потрачены громадные суммы в связи с необходимостью доставлять сюда отсутствующий поблизости строительный камень.

Еще одно масштабное строительство – сооружение пограничного города Очакова – развернул крымский хан Менгли Герай вблизи устья Днепра. В июне 1492 г. он писал Ивану III, прозрачно намекая на желательность денежного вспомоществования в этом деле со стороны московского князя: «На Днепре к тебе брату моему хотим близко быти, город делаем... В Кафе есми был о том городе, наших денег восемь (тысяч) я заимствовал есми, всего сто тысяч денег занял есми, сто тысяч денег тридцать тысяч да три тысячи алтын, столько денег будет... в шесть месяц отдать надобе; что хачю учиню, твой посол Иван Лобан видит; как братство учинить, от сего долгу избавить нас, ты брат мой ведаешь... Еще сесь город, как думаю, молвишь: делай... Аж Бог донесет, сее зимы, с женами своими, со всеми улусы выкочевав, в том городе зимую».

Великий князь Московский просил хана строительство этого города оставить и пойти «ратью» на Литовские земли. Менгли Герай, однако, оставил просьбу царя без внимания, продолжая уделять все свои средства строительству.

В октябре 1492 г. посол Колычев сообщал Ивану III: «Царь, государь, твоих казаков провожал сам; да проводив, государь, твоих казаков, да пошел города делати, да того, государь, городу и сделал да и людей, государь, в том городе посадил... А слышанье наше, государь, таково: пришел от королевича от князя Александра посол о городе. А речи, государь, посла королевичя царю таковы: гораздо ли чинишь, на нашей еси земле город доспел и людей еси своих в том городе посадил, то ли твое суседство и дружба? И тово бы еси города отступился нам, а людей бы еси своих из того города вывел вон; а в колко будет тебе тот город убытков стал, и мы тебе те убытки заплатим не в одноряд». Когда в следующем году литовцы «наряжонной на Непре город взяли... а что было в городе, то все взяли», Менгли Герай настойчиво намекал великому князю на необходимость денежного вспомоществования с его стороны для того, чтобы отстроить разоренный город и оттуда грозить литовскому князю.

В 1504 г. хан планировал строительство еще одного города, о чем также сообщал московскому князю: «Да еще сам на Днепре на Таване хочю доспети один город велик, а городище есть, и яз то хочю город доспети. Бог даст ся весна будет, перекоп сделаю; а салтан Баязит тысячу человек дал, перекоп крепкой сделай, молвил».

Перекоп был достроен к 1509 г. Он представлял собой обложенный камнем восьмикилометровый вал с башнями и шестью бастиянами. Перед валом был прорыт глубокий ров (собственно «перекоп» или «кырым», если следовать этимологии происхождения хоронима Крым от татарского «ров», «окоп», «земляное укрепление»). Через ров был переброшен подъемный мост, подводивший к единственным крепостным воротам.

Перекопское укрепление, по сути, полностью перекрывало всю северную границу полуострова, и вторгнуться в его пределы по суше, минуя это мощнейшее по тем временам сооружение, было невозможно. Построено оно было на перешейке шириной от 8 до 23 км, располагающемся между Азовским морем на востоке и Перекопским заливом (частью Керчинитского залива Черного моря) на западе.

Простота государственной организации и примитивность делопроизводства во всех отраслях управления позволяли татарам обходиться без постоянных, стационарных правительственных учреждений, расположенных в каком-либо месте, в котором был бы вынужден в основном находиться и сам хан как носитель верховной власти. Это вело к тому, что в татарском государстве в Крыму долгое время не было столицы как устоявшегося географического пункта, места расположения правительства, государственных учреждений и служб. Напротив, вся власть сосредотачивалась вокруг хана, и там, где находилась в тот или иной момент его кочевая ставка – стойбище-стан, – организовывалась и работала вся государственная машина: выдавались, записывались и провозглашались указы, разбирались судебные тяжбы и приводились в исполнение приговоры, принимались иностранные посланники, собиралось войско и даже чеканилась монета. Складывалась ситуация, когда столица буквально кочевала вслед за передвигавшимся преимущественно по степному Крыму властелином, а не правитель был привязан к стольному граду, как это было в оседлых централизованных государствах.

Изначально столицей Крымского улуса условно можно было считать Солхат (Старый Крым), затем она переместилась в Кырк-Ер (Чуфут-Кале), а после – в Салачик у подножия Чуфут-Кале. И лишь постепенно в первой трети XVI в. в роли столицы утвердился Бахчи-Сарай (Бахчисарай). Его название Сарай-Даулет (Счастливый) часто переводится как «Веселый город» или «Счастливый город». Использовались также названия Счастливый Кермен и Сарай. После завершения его строительства в 1503 г. сюда была перенесена ханская ставка, и город постепенно сделался полноценной столицей и стал быстро разрастаться.

Бахчи-Сарай (Бакчэ-Сарай) расположен посередине между Эски-Юртом и Салачикским ущельем, ведущим к Чуфут-Кале. Слово «Бахчи» в переводе означает «Сад», здесь была расположена одна из пригородных ханских ставок (Эльма-Сарай, Ашлама-Сарай и другие), разбросанных в окрестностях Эски-Юрта. Русские послы Тяпкин и Зотов, посещавшие Крым в конце XVII в., называют «бакчами» и другие ханские ставки: «Приехали мы с приставом своим беem на реку Качю, где стоял в бакчах Ханово Величество». «Все упомянутые чины к Хану съехались и засели в думе с его Хановым Величеством в бакчах его Хановых, на Каче».

Сам Хаджи Герай, согласно преданию, устроил себе погребение в Салачике, на границе между спуском с Чуфут-Кале и Бахчисарайской долиной. Гробницы знаменитых предков, почитавшиеся как священные места, чтились татарами, и неудивительно, что в случае с Крымским ханством именно погребение в Бахчисарае правивших государством ханов сыграло значимую роль в том, что городок стал ханской столицей. Менгли Герай почтил память отца строительством у его погребения мечети и медресе.

Один из ближайших преемников Менгли Герая Сахиб Герай и ханский княжич Шегбаз Герай, погибшие в пределах черкесских, также были затем перенесены в Бахчи-Сарай и погребены возле своих предков. А Менгли Герай настойчиво просил прислать ему для погребения в Крым прах своего умершего в России брата Нур-Давлета: «Нурдоулата царя брата старшего кость». Великий князь Московский ответил согласием, сообщив крымскому хану в грамоте, что «царица брата твоего жена царева Нурдоулатова Юмадыкова дочь, да и с костию брата твоего с Нурдоулатовою в Путивле будут».

Показательна ктиторская надпись на «Железных вратах» Бахчисарайского дворца 1503 г., гласившая: «Приказал построить этот величественный порог и эту возвышенную высочайшую дверь султан обоих материков и хакан обоих морей, султан, сын султана, Менгли Герай хан, сын султана Хаджи Герая». В ней утверждается статус нового города как главнейшего места ханской ставки, а также подчеркивается преемственность власти правящего хана от его отца, основателя династии – Хаджи Герая.

За пределами Крымского полуострова хану подчинялись несколько кочевых орд – многочисленные ногайские кланы, кочевавшие между Дунаем и Кубанью. Они были известны как под условными названиями, в зависимости от территории кочевий, – Белгородская орда, Аккерманская орда, Буджакская орда, очаковские татары (XVI–XVII вв.), так и под собственными названиями – Едисанская орда, Едичкульская орда, Джамбайлуцкая орда (XVIII в.). В XVII в. главнокомандующим ногайцев был ор-бей (перекопский бей), с XVIII в. в каждую орду назначался сераскер – командир, военачальник и каймакам – гражданский администратор.

Белгородская орда (Буджакская, Добруджская или Малая Ногайская) кочевала в степях Буджака между устьями Днестра и Дуная. Татары начали заселять эту местность еще до XIV в. Во второй половине XIV в. орда заняла степи между устьями Днепра и Дуная от Белгорода (современного Белгорода-Днестровского) до Килии. Около 1569 г. сюда из прикаспийских степей переселились более 30 тысяч ногайских родов, которых со временем стали называть буджакскими татарами по названию городка Буджак в Днепровском лимане.

В начале XVII в. произошло массовое переселение ногайцев в буджакские степи. Большинство из них занималось скотоводством – разведением крупного рогатого скота, коневодством и овцеводством. В отличие от остальных ногаев, чистых кочевников-скотоводов, население Буджакской орды занималось также и земледелием: выращивало пшеницу, рожь, ячмень и просо. Изредка практиковалось виноградарство.

Впрочем, грабительские походы на соседние страны в любом случае оставались главным источником обогащения для местного татарского населения. Даже в начале XVIII в. Дмитрий Кантемир в «Описании Молдавии» отмечал, что местные крестьяне постоянно страдали от татарских набегов: «...для крестьян особенно большим несчастьем является то, что они живут по соседству с татарами, которые не только тайно воруют все, что могут, но даже иногда под

видом похода в Польшу – а в этом случае они не могут миновать Молдавию, – открыто совершают величайший грабеж, уводя в плен всех жителей деревень, которых потом продают в Константинополь как русских. Хотя подобные набеги уже давно запрещены неоднократными приказами султана, но кто может избежать при этих обстоятельствах преступных действий татар? Однако более счастлива участь тех, коих судьба приведет в Константинополь, ибо там княжеские резиденты могут взять без выкупа и отпустить на волю пленника молдаванина, где бы его они ни нашли».

В начале – первой половине XVII в. Буджакская орда могла выставить в поход от 15 до 30 тысяч воинов. Проживали татары орды кочевьями-улусами, от 80 до 90 улусов, управлявшихся мурзам. Мурзы, в свою очередь, находились в подчинении уже упоминавшихся сераскеров – наместников, назначавшихся крымскими ханами. В начале XVI в. среди мурз выделялся своей активной деятельностью Кантемир-мурза, часто организовывавший и возглавлявший походы белгородских татар в литовские и московские земли, особенно часто ходивший на Подолье, Галицию и Волынь. После Хотынской войны 1621 г. турецкий султан Осман II назначил Кантемира на должность паши Очакова, Силистрии (современный город Силистра в Болгарии) и Бабадага (ныне – город Бабадач в Румынии), обязав его охранять рубежи турецких владений с Речью Посполитой. Вследствие этого Кантемир перестал признавать вассальную зависимость Буджакской орды от Крымского ханства. В 1628 г. мурза Кантемир получил титул визиря – правителя побережья Черного моря и устья Дуная вместе с Силистрией и Аккерманом. Его самостоятельная политика, равно как и деятельность многочисленных родственников мурзы, привела к затяжному противостоянию с Крымом. Предпринимали они также попытки избавиться и от турецкой зависимости. В 1770 г., во время российско-турецкой войны 1768–1774 гг., Буджакская орда перешла под протекторат Российской империи и переселилась в степи Приазовья между Каменкой и городом Азов.

Едисанская, или Очаковская, орда кочевала на территориях между Днепром, Южным Бугом и Днестром от побережья Черного моря до реки Кодима. Административным центром орды был Очаков, подчинявшийся Османской империи. Турция контролировала также земли между Бугским лиманом и Делиголем, тогда как на остальной территории орды распространялась власть Крымского ханства. Во главе орды стоял сераскер или, позже, каймакам из рода Гераев, назначавшийся крымским ханом.

Едисан в переводе с турецкого языка означает «Семь имен», что, видимо, свидетельствует о вхождении в состав орды семи родовых групп. Местное татарское население занималось скотоводством, торговлей и в незначительной степени земледелием. Торговали преимущественно зерном и солью, нередко совершали набеги на оседлое земледельческое население на территории современной Украины.

Едичкульская орда кочевала со второй половины XVI в. между Днестром и Дунаем. Правили этой ордой мурзы под общим управлением назначенного из Крыма сераскера. Кроме того, управление ордой осуществлял еще один специально назначенный чиновник – ялы-агасы, главной обязанностью которого был сбор дани для крымского хана.

В 1706 г. мурзы Едичкульской орды обратились к турецкому султану с просьбой освободить их от подчинения Крымскому ханству и позволить перейти в непосредственное подчинение Высокой Порте, обещая выплачивать ежегодную дань и принимать участие в войнах султана. Османская империя отклонила предложение, издав специальный султанский указ-фирман, согласно которому все задунайское население обязано было подчиняться крымскому хану. В середине XVIII в. по его распоряжению орда перекочевала на левый берег Днепра и заняла территорию от Казикермана до устья реки Конки и от Днепра до верховий рек Конки и Берды.

Джамбайлуцкая, или Перекопская, орда была одним из ответвлений Ногайской орды, основанным во второй половине XVI в. переселенцами из северокавказских степей. Эта орда

находилась ближе всего в воротам в Крым и кочевала между Перекопом, Днепром и рекой Берда. Не удивительно, что именно ей крымские ханы уделяли наиболее пристальное внимание, поскольку в обязанности перекопских татар входила защита самого Крымского полуострова от внешнего вторжения. Местные мурзы должны были предоставлять крымским ханам определенное количество воинов для защиты Перекопа, выступать в организованные ханством походы, передавать хану часть добычи и выделять деньги за каждого пленного. Орда кочевала аилами, состоявшими из семей или кибиток, которых в 1766 г. насчитывалось более пяти тысяч. Управлял ею каймакам или сераскер-султан из династии Гераев, проживавший в Перекопе.

Установление зависимости Крыма от османской Турции было большой честью для султанов уже ввиду того, что крымские ханы происходили из рода Чингизидов, потомков Чингис-хана, некогда покорившего практически всю Азию. Султан Баязид II хвалился этим в своем письме правителю Аккоюнлу Йакубу (1478–1490 гг.) как значительным достижением.

Действительно, Османы, создавшие могущественную турецкую империю, имели гораздо более мощное войско, контролировали существенно большую территорию, имели гораздо более богатую государственную казну и, в соответствии с этим, пользовались большим международным авторитетом. Однако при всем этом по знатности происхождения Гераи превосходили Османов, ведь их далеким предком был сам Чингисхан, тогда как турецкие султаны вели свой род от анатолийского эмира Османа-Гази. В связи с этим и в Крымском ханстве, и в Османской империи даже возникло повсеместно распространенное в народе представление, согласно которому именно Гераи должны занять престол в Стамбуле, если род Османов по каким-либо причинам угаснет. Источники даже глухо упоминали о некоем междинастическом соглашении по этому поводу, которое в первой половине XVII в. уже считалось «давним правом».

Найти подтверждение существованию такого договора не удалось – по крайней мере, французский посланник в Крыму Шарль де Пейсонель в 1750-е гг., специально интересовавшийся этим вопросам, не смог найти никаких убедительных свидетельств его бытования, однако опасения практического замещения стамбульского престола Гераями иногда в Стамбуле возникали. Так, в желании занять место турецкого султана подозревали хана Гази II Герая, а в 1622 г. в этом же обвинили Джанибека Герая, якобы пытавшегося убить османского султана Ахмеда I во время охоты на косулю. Возникали подобные опасения в турецкой столице и в 1623-м, и в 1637-м, и в 1640 году.

При всем этом, однако, в дипломатической переписке послания Гераев обычно адресовались визирю и другим высшим турецким чиновникам, но не лично султану. Это свидетельствовало о ранговом превосходстве турецкого правителя. С другой стороны, обращаясь к хану, султан не скупился на комплименты и почтительные обращения. Так, султан Селим I Явуз писал Менгли Гераю: «Его сторона, убежище эмирства, источник правительства, упрочение счастья, стяжание благоденствия, обладатель владений почета и величия, шествователь по стезям славы и успешности, вспомогательный разными дарами милостей Господа всещедрого». А в сочиненной Ходжой-эфенди султанской грамоте к крымскому хану Мехмеду Гераю адресат охарактеризован в таких высокопарных выражениях: «Первосвет утра счастья, зрачок глаза благополучия... свет очей надежды факела дома мужей утверждения, блестящая звезда хаканского востока, потомок ханов расжителей, радостный исход правды и милости высокостепенных ханов вселенских».

Хусейн Гезар-Фенн посвятил в своем сочинении «Насихат-намэ» о государственном устройстве Османской империи отдельную главу Крымскому ханству: «Глава седьмая: изъяснение уставов ханов Крымских, уставов высочайшего похода и уставов правительственных. Крымские ханы, будучи из рода Чингисханова и из царей мусульманских, господ хутбэ и монеты, подчиняются и повинуются династии Османской. Отрешение, назначение и смена

их обычно производятся со стороны высочайшего султана. Но в грамотах и в других случаях, ради почтения и уважения их к своему падишаху, им отдают преимущество перед прочими государями. Все ханычи занимают места выше визирей, а на праздниках они первые подходят к целованию руки».

Мухаммед Герай вспоминает о начале вассальной зависимости крымского хана от турецкого султана следующим образом: «Выведенные Гедюк-Ахмед-пашою из венецианской крепости (имеется в виду Каффа, венецианцы перепутаны здесь с генуэзцами) мусульмане были отправлены в Стамбул для расправы с ними. В то время крымский хан, покойный Хаджи Герай-хан, уже умер. Для вступления на владетельный трон никого не было, кроме праведного сына его Бенлы Герай-султана. А между тем упомянутый султан тоже каким-то путем находился в плену у франкских гяуров. Тогда крымский народ сообща написал донесение и послал с ним человека в столицу султаната к его присутствию, покойному султану Мухаммед-хану. Они вот что докладывали: “Теперь наш падишах умер. У него осталось одно любезное чадо. Но оно тоже попало в плен к гяурам франкам. Стране же мусульманской быть без государя никак не возможно. А потому мы у вашего счастливого Порога просим и молим, чтобы вы сжалились над нашим печальным положением и назначили одного из ваших царевичей в нашу страну падишахом”. Когда грамота их пришла к августейшему порогу (т. е. в Порту), то все сообща государственные мужи и правительственные сановники хорошенько посовещались об этом деле. А между тем привезшие грамоту шатались и глазели по некоторым константинопольским базарам. Только вдруг они видят среди прибывших из Крыма полоняников одного молодого юношу, и как только признали его, так тотчас же упали ему в ноги и подняли крики и вопли. “Вот судьба-то нам! – говорили они, – ведь это наш царевич, великое чадо покойного Хаджи Герай-хана, Бенлы Герай-султан! Он сделался полоняником и теперь спасен”. Дали знать о случившемся султану Мехаммед-хану. Высокостепенный падишах, да и вообще все люди дивились необыкновенной премудрости Господа Бога. А его величество, повелитель изрек такое перлосеющее слово: “Никто не возьмет ничьего жребия!” и велел поспешно привести (Менгли Герая) в свое высочайшее присутствие. После того как его облачили в украшенные по-царски одежды и в роскошный халат, они заключили между собой такой договор: “Мы, мол, не станем, в противность светлomu Закону Божию, улучив благоприятный момент, убивать или изъять один другого. Помогая во всех делах друг другу, будем мстить врагам веры, сквернообычным гяурам, ведя с ними священные брани. Впредь твои чистые потомки (т. е. потомки Менгли Герая) будут от меня (султана) принимать санкцию своего достоинства, и на хутбэ сперва мое имя, а потом уже имя почтеннейшего хана будет поминаться. Эти условия будучи безотлагательно облечены в форму письменных документов, должны быть с обеих сторон соблюдаемы”. Султан предложил, а хан принял и был удостоен целования руки. Потом с пожалованием, при полной торжественности и почестях, знамени, барабана и литавров, Бенлы Герай-султан назначен был ханом в область Крымскую. Договорные грамоты обеих сторон были написаны; а он благополучно и торжественно был отправлен в Крым. Таков-то вот, как описано, был Бенлы Герай-хан, великий отец блаженного и покойного, известного и знаменитого воителя и мученика Сахиб Герай-хана. Упомянутый договор с течением времени забылся среди людей; но у почтенных падишахов он известен и признан».

Хотя Крымское ханство было вассалом Османской империи, их отношения складывались весьма своеобразно: вместо уплаты дани султану хан сам получал от него ежегодные денежные выплаты. За это крымские ханы должны были присоединяться к турецкой армии во время ее военных кампаний. Крымский Юрт отнюдь не превращался, таким образом, в часть турецких владений, но оставался независимым государством, а его хан – суверенным правителем. В ханской и султанской частях полуострова действовали разные законы и ходила разная монета, османский султан не имел формального права и зачастую реальной возможности вмешиваться в дела Крымского ханства минуя хана. Впрочем, при всем этом турецкий властитель относился

к крымскому правителю как к подчиненному государю и мог при необходимости сменить его с тем единственным немаловажным условием, чтобы новый хан принадлежал к роду Гераев.

Западноевропейские историки XVIII в. приводят реконструированный ими договор, якобы заключенный крымским ханом Менгли Гераем с турецким султаном Мехмедом II Фатихом. При всем том, что этот документ, видимо, никогда не существовал в действительности, в общих чертах предложенная реконструкция хорошо передает дух и условия, определявшие взаимоотношения двух государств и автономный статус Крымского ханства в составе Османской империи. Складывались эти принципы двухсторонних отношений постепенно.

Положения этого условного документа были следующими:

1. Султан никогда не должен возводить на ханство никого, кроме царевичей из рода Чингисхана.
2. Порта никогда ни под каким предлогом не может подвергать смертной казни никого из фамилии Гераев.
3. Владения хана и другие местопребывания членов дома Гераев должны быть признаваемы неприкосновенными убежищами для всех, кто бы ни находил в них себе приюта.
4. На общественной по пятницам молитве, хутбэ, после имени султана должно поминаться имя хана.
5. Ни на какую письменную просьбу хана не должно быть отказа со стороны Порты.
6. Хан во время похода имеет пятибунчужный штандарт.
7. Во всякую кампанию хан должен получать от Порты сто двадцать кисетов золота на содержание своей лейб-гвардии и восемьдесят кисетов на своих мурз и капы-кулу.

Конечно, все этим условия не были прописаны в каком-либо раннем документе, но сложились постепенно во взаимоотношениях между крымским и стамбульским властелинами. Например, согласно преданию, упоминание османского султана в хутбэ перед именем крымского хана не было предусмотрено изначально, а появилось после того, как хан Ислям I Герай (1584–1588 гг.) совершил набег на Валахию, не задумавшись о том, что таким образом подверг разграблению земли своего сюзерена. Султан потребовал немедленного возврата награбленного, а Ислям Герай, чтобы снискать прощение падишаха, добровольно распорядился, чтобы в пределах его владений на пятничной молитве – хутбэ – имя хана произносилось после имени султана. Этим крымский правитель стремился вымолить прощение, однако при этом унижил ханское достоинство. Отменить это нововведение со временем стало уже невозможно, и, по выражению крымских историков, «последующие ханы продолжали соблюдать этот похвальный обычай до сего дня».

В содержащем советы по управлению Османской империей сочинении неизвестного турецкого автора, видимо, некоего визиря времен султана Ибрагима I (1640–1648 гг.), даются советы, как султану следует даровать престол новому крымскому хану: «Когда хан умирает, и его место остается вакантным, то ханычи отправляются к вашему Счастливому Порогу, и кто из них первый на благословенном байрам бьет челом перед вашим августейшим стременем, тот и должен быть ханом. Когда понадобится давать открывшуюся вакансию (хана), то извольте говорить так: “Ты воспитан моими щедротами; я тебе даю ханство и посмотрю, каков-то ты. Ты должен душою и телом стараться под моим августейшим покровительством. Я ожидаю услуг от тебя”. Затем, повелев ему надеть соболью шубу и подпоясать разукрашенную саблю, пожалуйте ему украшенный (драгоценными камнями) сургуч и присовокупите такое предостережение: “Поступай согласно моему удовольствию и берегись моего проклятия. У меня много благосклонности к тебе, так ты будь правдив”».

При этом автор сочинения призывает султана не менять крымских ханов по собственной прихоти без крайней на то необходимости: «Державный государь мой! Без крайней необходимости не следует сменять их...» Отправить хана в отставку можно было лишь в том случае, если тот действительно действовал нечестиво, нарушая законы божеские и человеческие, а

не по простой прихоти султана или из-за клеветы и наветов со стороны недовольных ханской политикой в Крыму. Происходивший из ханского рода татарский историк Мухаммед Герай отмечал, что «по священному закону Мухаммедову, царям давать отставку не так легко: надо, чтобы они были нечестивцы. Их вздохи и стоны отомстятся нам. Вот если кто из них поступает против священного закона и творит притеснения или вводит новшества, то мы должны им противодействовать; отрешение же хана по словам каких-нибудь мятежников татарских есть чистое бесславие». «Ханы тоже из древнего царского рода;... они также тень Божия, – отмечал этот автор, – ... отставка им горше смерти, по изречению: “Ссылка все равно что казнь”».

О том, насколько запутаны и противоречивы были отношения между турецкими и татарскими властями в Крыму, свидетельствует эпизод из жизни хана Сахиба Герая (1532–1550 гг.). Однажды, когда хан гостил в саду одного из своих подданных неподалеку от Каффы, к нему явились просители с жалобой на поборы и притеснения со стороны турецкого гарнизона города и османского сборщика податей сипага. Хан вызвал обидчиков к себе и гневно отчитал, на что сипаг ответил: «Этот хлеб дарован нам со стороны падишаха, и другим нечего вмешиваться». Хан попытался было возразить, что «при завоевании Каффы все земли вне ее дальше пушечного выстрела по воле падишаха пожалованы в собственность нашим предкам за их заслуги», но был обвинен в посягательстве на полновластие турецкого султана в Каффе и желании захватить ее себе, что привело к немилости со стороны могущественного османского властелина.

Случались у крымских ханов конфликты и с центральной стамбульской администрацией, неожиданно вспыхивавшие даже тогда, когда, казалось бы, сам турецкий падишах был весьма благосклонен к татарскому властелину. Так произошло во время правления упомянутого уже Сахиба Герая, когда хан отказался от приглашения-приказа султана идти в поход на Иран, сославшись на то, что «татарское войско – это голыши, которые не в состоянии вынести такого дальнего похода». Тогда приближенные к османскому султану вельможи обвинили хана в небрежении, измене, сепаратизме и оскорблении величия падишаха, заявив: «Великий государь наш, хан под тенью вашего могущества сделался государем на крымском престоле; он разбогател, стал жаден; войско его усилилось; вы ему не нравитесь; он вас не уважает. Посмотрите теперь, какие он приводит предлоги, чтобы не давать войска; он начал противиться вашим повелениям. Избави Боже, если ваши глаза останутся закрытыми: он будет управлять своими владениями как независимый повелитель; он на посылаемых вами чаушей обращает меньше внимания, чем на собак». Сахиб Герай, впрочем, в долгу не оставался и относился к османским чиновникам с величайшим презрением. Однажды он заявил прибывшему к нему от султана чаушу: «Между османцами нет таких, кто бы был способен ведать дела государства: все эти столпы государства и члены совета только и думают, подобно Каруну, о том, как бы побольше накопить себе от благ мира сего; других достоинств у них нет».

Ханская власть в Крыму выступает, таким образом, во многом производной от власти османского султана, и татарский хан способен действовать самостоятельно и независимо лишь в тех пределах и до того момента, пока его действия не входили в противоречие с интересами Турецкой империи. Продолжительность пребывания крымского хана во власти напрямую зависела от благоволения сюзерена по отношению к своему вассалу, последнее же можно было снискать ревностным соблюдением интересов султана и верной ему службой.

Вся политическая история Крымского ханства протекала при постоянном противоречивом взаимодействии двух начал – местного крымско-татарского и внешнего турецко-османского. Первое из них стремилось к наибольшей возможной самостоятельной политике, второе же желало утвердить свое реальное доминирование в регионе, не слишком беспокоясь о том, что формально за Крымским ханством во многом признавался статус полунезависимого союзного государства, условно говоря – младшего партнера Турецкой империи в Северном Причерноморье. Двойственность основ политического устройства Крымского ханства прослеживается во всех сферах – от территориального размежевания и слияния компетенции татарских и

турецких органов власти до совместной эксплуатации источников доходов и смешанной денежной системы. По словам одного из наиболее известных историков Крымского ханства, Василия Смирнова, «даже на основании документальных памятников иногда трудно разобраться в этом смешении и с точностью указать в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской и где этот авторитет опирается еще на другой, высший авторитет власти султанской».

Что же касается внутренней жизни Крымского ханства, то она регламентировалась нормами обычного татарского права, носившего название «чингизова төрэ». В источниках это неписанные правовые установления обычно называли также «старым обычаем чингизидским», «старыми обычаями (правилами) татарскими», «обычаями прежних царей чингизидских». Хусейн Гезар-Фенне, характеризуя правовую систему татар, отмечал: «Существующие у них постановления все канонические, которые они на своем языке называют төрэ, хотя они относительно вероисповедания своего претендуют, что они, мол, ханэфитского толка». Согласно төрэ регулировались как бытовые отношения, так и вопросы престолонаследия.

Татары противопоставляли свои традиционные правовые нормы «новому закону», который вводили на подвластной им территории Крыма турецкие власти. По поводу взаимодействия «чингизовой торэ» и вводимых турками «законов шариата» сохранилось любопытное предание, записанное со слов крымского хана Мюрада I Герая. Этот правитель, характеризуя своего предшественника Селима I Герая, которого недолюбливал, заявил, что тот «слишком уж подчинялся велениям царей османских и совершенно упразднил төрэ чингизкую; применяя ко всякому делу шариат, он причинил вред Крыму». Этот хан якобы бросился в другую крайность, напрочь запретив применение законов шариата и назначив в качестве верховного государственного судьи төрэ-баши. И лишь когда некий почтенный мудрец Вани-эфенди сделал хану замечание, сочтенное тем справедливым, действие права свода писанных мусульманских законов было восстановлено.

Кроме сосуществования двух правовых систем в Крымском ханстве на части территории действовала турецкая администрация, параллельно ходили две монеты – татарская и турецкая, а часть повинностей местное население несло и в пользу местной знати и татарского ханства, и в пользу Османской Турции. В целом же на территории Крымского ханства чеканили около 25 монетных единиц, преимущественно медную и серебряную разменную «мелочь» низкого номинала, тогда как полновесная серебряная и золотая монета поступала из Турции, России, Польши и стран Западной Европы.

Государственная власть крымского хана ограничивалась коллегиальным советом из представителей высшей знати ханства – гьорюнюш/корниш, или Диваном. Этот государственный орган – «зал управления и правосудия», который русский послы называли «думой» («Земской думой») – можно считать высшим государственным советом, ведавшим сбором казны ханства и использованием бюджетных средств, бывшим верховной судебной инстанцией и департаментом международной политики. Именно он ратифицировал международные договоры, давал согласие на решение хана начать военные действия, имел право в качестве высшей судебной инстанции пересматривать решения нижестоящих судов. Лишь Диван мог осудить на смертную казнь. В целом без соизволения на то Дивана хан не мог ни принять ни одного значимого решения, ни предпринять ни одного важного шага: «...хан без юрта никакого великого дела, о чем между государствами надлежит, учинить не может», – писали об этом в своих донесениях русские послы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.